

1.9 О том, что есть образ и о его пред-назначении

Сколь обширна преамбула, пре-уготовление к рассуждениям о личности, творчестве и образных построениях Феофана, к которым неспешно дерзаем приступить... пожалуй, слишком это пространное «вступление», этот «приступ» к несравненному гению образотворчества - переизбыточествует своим объёмом, довлеет обилием приуготовительных страниц рассуждений... «всё вокруг, да около» сути и предмета нашего искреннего интереса, всё где-то на периферии самого образа. В шириющейся бездне приуготовительных словес - не утопить бы самого энтузиазма к приобщению образа, задора к проникновению в образ. Можно бы даже полагать, будто сами рассуждения об образе – уже исчерпаны обстоятельными мысленными приготовлениями... Да не будет сего. И всё же, зададимся ещё раз – вопросом к себе, быть может самым важным и, так сказать, «осевым» вопросом в ходе наших размышлений: что есть – образ перед нами и какова цель его появления, про-явления.

Прежде всего, хотелось бы ещё раз артикулировано - произнести личное понимание того, что всякое рассуждение об образе возможно, но нецеле-со-образно - не со-образимо с целью нашего рассуждения, - не имеет цели вне «контекста», вне внятного понимания *необходимости* непрестанного удержания пред собою в рассуждениях своих – если уж не практики живого личного отношения с Богом, то хотя бы мысли о Перво-образе... Самое важное во взаимоотношениях человека и Бога – и есть эти – личные отношения, личное дело, личное делание взаимно-относящихся Творца и твари. Образ в этом взаимоотношении является чем-то даже вторичным, чем-то посредствующим, медиативным... таким дантовым вергилием, в то время, когда наиважнейшим и единственно целеполагаемым является совершенно не он сам, не образ... не отношения Вергилия и Данта, не отношения Вергилия и Беатрис... но взаимная духоводящая Любовь Певца и высокого Предмета его любви, возводящего к Себе. Мы не станем здесь далее

вовлекаться в образные ряды Комедии Данте... В нашем контексте – это поэтическая метафора созвучная, со-образная к отношениям творца человека и Бога - Творца. Рассуждать об образе отстранённо от этой перво-задачи, не имея в виду её – возможно ли... Рассуждать об эстетике, технологии образотворчества, исторических закономерностях и стилистических особенностях образа... рассуждать обо всём этом, не имея в виду Первообраза – Бога или откладывая Его в своих рассуждениях на некое вторичное место, пересаживая Господа на заднюю скамью в этих размышлениях, где бы Он уступил почётное место иным, куда как более видным и актуальным предметам профессиональных раздумий, умозаключающих абстракций... например, всевластной эстетике... либо самой Клио... перемещать Господа в своих помышлениях об образе на задний план или откладывать Его – единственную Цель - на некое вторичное, последующее, может быть, когда-нибудь – обращение... восприятие... переводя Бога в разряд неких явлений, не имеющих к образу прямого отношения... Подобная практика образования видится достаточно общепринятой, но не вполне осмотрительным, и не далеко-видным занятием, результат которого за-ведомо удалён от цели самого исследования того, что есть образ перед нами.

Проводник, изводящий и пре-провожающий. И вот – встретились лицом к Лицу творение и Творец. И проводнику должно бы отойти на второй план, скрыть себя, утаиться, исчезнуть из поля личной встречи... вспомним, у Данте именно так: удаляется Вергилий от врат Рая, не имея возможности ли, необходимости ли, пред-начертанности – вникнуть за их пределы... В пространстве личной встречи Бога и человека – немоществует, иссякает, исчезает всяческий образ и глубины личного взаимного проникновения человека и Творца уже никак не зависят ни от эстетики образа, ни от высот художественности, ни от чего бы то ни было, связанного с образом и по-стороннего к этой про-исходящей встрече. Насущна лишь только сама встреча твари и Творца. К чему бы тогда образ иссякнувший... где положены пределы его задач. Каковы направления и пределы образного водительства... Где пределы нашего доверия к образу в обращённости к нему. Что есть – образ перед нами и в нас самих...

Помыслим так: образ – это есть некая фантомная боль и память об утраченном... райском нашем состоянии. Творя образ, вос-принимая его, мы вос-поминаем о своём исконном бытии – личного пред-стояния Богу. Личного, не имеющего никаких посредников: Адам и Творец. На Божественный райский призыв: «Адам, где ты» - отзывается чисто и несмущённо - человек: «Отче! вот – я»... «Отче, где Ты!» - «Здесь Я, сыне, Адаме, здесь Я, человеке Мой – пред тобою»... Вот истинные отношения, пред-усмотренные творением, в которых не нужен никакой образ... отношения, разрушенные грехопадением человеческой природы, одаренной образом Божиим, подобием и не преклоняемой волей... Пред человеком и внутри человека, изведенного, изгнанного из рая, - напоминанием о его исконной природе, – образ Божий... Пред-стаёт извне и воз-никает, стенает в ответ – внутри. Образ Божий внутри – словно бы печать Творца на изгнанном. Образ перед изгнанником – Божий призыв к вос-поминанию о Божественном даре внутри человеческой природы.

Образ Божий... Творим его, словно бы очищая от патины греха собственную забывчивую память, едва ли вос-прянув от само-забвения о высочайшем, райском, назначении своём, - творим его в меру малых дарованных нам сил. Пребывая в личном без-

образии, помутнении личного образа, восклицаем усиленно, стенаем искренне возношениями уместных тропарей во дни сугубого великопостного личного покаяния, не скрывая ничего от себя: «Покаяния отвори ми двери, Жизнодавец... храм носяй телесный весь осквернен... студными бо окалях душу грехми...», - вот так, буквально так, - осознаётся грязь собственных зловонных нечистот на образе Господа в нас... и востекает, вос-кликает из нас общая молитва ко Господу и Богоматери об очищении, избавлении, милости... о спасении моём и нашем. Пребывая в личной о-греховленности и по-мрачении образа, в погибельном безобразии в течении своей жизни – сущностно, бытийственно - нуждаемся в образе внешнем, структурирующем нас, обстоящем и формирующем о Господе – нас, лично меня. Нуждаемся в образе, поддерживающем нашего усыпающего до смерти и непробудного «внутреннего человека» - человека греха, ангела падшего, херувима изверженного... - нуждаемся в образе перед лицом непроглядной личной погибели – нуждаемся в нём... и творим – себе – образ Божий.

Иерархическая вертикаль умных духовных смыслов, содержащая этот мир... преподающая нам Себя в образах, - принимаем к ней посредством образного памятования, воспоминания глубинами личного естества – своей части, своей исконной природной у-части в этой Иерархии по праву дарованного нам искони – личного образа, уподобляющегося-ся, уподобляющего себя Богу в неотъемлемом своеволии. Вновь вспомним о Херувиме в нас... В Ветхом Завете прорекается нам о извержении царя Тирского, удостоенного высочайшими дарами херувимского достоинства – зреть и ведать Бога. Херувим – извержен, но лишён ли этих даров, самого дарованного достоинства и высоты своего чина. Мифический некий и некогда сильный мира сего... Денница – Сатан – враг Господень... или ветхий грешник в каждом из нас, осквернивший своё несметное достояние – образ уподобляющийся Богу. «Так говорит Господь Бог: ты печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты. Ты находился в Едеме, в саду Божьем... Ты был помазанным Херувимом, чтоб осенять, и Я поставил тебя на то; ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней. Ты совершен был в путях твоих со дня творения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония... Я низвергнул тебя, как нечистого, с горы Божией, изгнал тебя, Херувим осеняющий, из среды огнистых камней...» (Иезек. 28:12 - 16). Так – говорится в пророчествах Иезекииля. Уже ли не обо мне гласил пророк. Херувим – изгнанный человек Херувим – высший чин Небесной Иерархии по Ареопагиту – первый чин Первой Иерархии, непосредственно пред-стоящий Богу, вмещающий возможную полноту знания о Нём, полноту Боговидения, сущностного Боговедения. Херувим – не нуждается ни в каком посредничестве между собою и Творцом – Богом. Не нуждается ни в чём для непосредственного взаимоотношений с Богом... в среде огнистых камней, как это красиво переведено в русском тексте Библии. Пребывающий столь высоко на высотах горы Божьей – изгнан с высот и из среды – вместе с образом Бога в себе. «...ты печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты...» - не возглашено в некоем прошедшем времени, но свидетельствует о настоящем – но изгнанном, удалённом, падшем естестве и осквернённом - достоинстве. Божий образ – изгнан из рая, из среды огнистых камней, со святой горы Божией – изгнан осеняющий херувим – человек, изгнана полнота знания... дабы вне Царских врат рая – блуждать, утруждаться в трудах, множиться и умирать до всеобщего воскрешения. И теперь – нам требуется внешний образ к вос-становлению взаимоотношения с Богом, как тревожащее нашу падшесть - воспоминание о рае. Ни в коем случае не следует полагать нам некоей само-бытности, само-бытия, само-достаточности к нашему

спасению этого внешнего образа... для наших чувств, уже не способных своими усилиями к вос-приятию Бога таким, каков Он есть перед нами. Бог Сам – может открыть Себя... как, и когда?... - во благо-времени. И не следует полагать, что образ перед нами может заменить собою Бога в нашем устремлении к Творцу, что образ может стать некоей восприемлемой нами частью Бога, достаточной для нашего спасения, для вос-становления нашего... отнюдь. Лишь – проводником к Первообразу... лишь от-ображением, к восприятию которого мы могли бы себя обратить... словно бы античный Персей, глядящий не в лицо, но в отражение Горгоны на щите своём... Прости Господь это пиитическое своеволие в обращении к афинейским плетениям мысли.

Значительным огрублением тонких духовных сфер, непостигаемых окамененным нечувствием нашей падшести, материализацией, приспособлением духа к нашей возможности воспринять хоть что-нибудь – образ пред нами и поэзия – в нас.. Упрощение Пре-простого, о-дебеливание Тончайшего – снисхождение Господа к нашей грубости... кеносис, самоумаление, самоопустошение Полноты Высочайшего Бога – к брению наших форм... Приспосабливание Бога к нашим чувствилищам, к нашей воспринимающей способности. Бог - приспособливает Себя к нам, упрощает Себя для нас, во-площает Себя и становится восприемлемым... и мы можем милостью Его - со-отнестись с Несо-относимым. В этом кеносисе, со-отнесении, Само-умалении – про-является Бог перед нами и в нас - таков – образ, такова природа его... про-явление Бога в человеке, в деяниях его рук, в формах уподобления и способах деятельного «хождения» человека перед своим Первообразом. Такова задача образа: со-отнести нас с Перво-образом, привести нас к Перво-образу, устроить встречу меня и Бога, и в устроенной встрече уже не нужно будет ни-ка-ко-го образа между мною и Творцом.

Вновь вспомним величественное событие Пасхального Богослужения. В разверзающейся тишине... при потушенных свечах и всеобщем безмолвствии священнослужащих и молящихся в храме... образ вне-образной тишины...образ нашего личного и соборного, обще-церковного по всей ойкумене в этот миг - пред-стояния Богу воскресающему теперь... нашего ожидания воскресающего Бога... - не имеет, собственно, никакого образа. Вне-образен этот миг, превыше всякого образа, не вместим никаким образом... Из этого вне – образия воз-никают первыми – самые проникновенные и могучие - образы звука, прежде всего звука колокольного, объемлющего вся, звука голосов за затворённой катапетасмой – едва слышимо - про-износящих стихиру Воскресения... льются её звуки, вливаются в нас, мы – подхватываем их, исходим на крестное течение и воз-носим это пение уже из себя, соборне, со-гласно с неслышимыми нами песно-пениями ангельских многогласий.

Образ – пред нами. Уединённая ли это икона, много-гранное ли, много-образное молитвенное пространство литургии... - воз-дельвает нас, уготапливает нашу встречу, возводит нас к этой встрече, к общению, к Бого-общению нашему... со-проводжает в течение к этой встречи, настраивает нас на неё. Образ, как острый меч – усиливается отсечь всё греховное, всё ненужное от нас, оставляя некую сущностную нашу остаточную чистоту... напитанная грехами губка нашего естества, - предстоит Богу в самой неизбежной падшести, стыдливо облекаясь образом – облачениями Христовыми ко брачному пиру, дабы не быть изгнанными вон - с порога Господних чертогов. Примериваем образ к нашему греху... лицемерные... рыдаем в не-со-четаемости светлых облачений наших со мраком

неблаго-утробным. Рыдаем, без-сильные в себе самих извергнуть вросшую в нас нечистоту – вон... Молим о том Единого... милостивого и снисходительного к нашей немощи - Спасителя своего... - молим. Так и не иначе – предстоять со всей своей неотделимой от нас греховною тяготой... со всею своею брэнной шелушащейся греховной - приобретённой и чуждой, но неотделимой от нас, неисцелимой нами повреждённостью... - предстоим пред Богом. Образ – как бы маска на милостивом Лице Господнем, как бы покров на лике Моисея – перед нами, пляшущими вокруг своего глиняного ли... медного, серебряного - тельца. Образ – словно бы – оклад на иконе, риза на Первообразе, при которой нам, не образумленным, легче и покойнее грешить... и, вместе с тем, было бы возможно как-то – растворить свои глаза в нём... возвысить свои чувствилища от земли... не опалившись, не повредившись, не умертвив себя открывшимся. Прилагая себя к образу, мы - приникаем к большему, алчем вос-принять всего Бога... и по мере дарованных сил и по мере Божьего про-изволения к нам – таинственно и не о-сознаваемо - впускаем Его. И возможно ли вообще говорить об образе вне таинства... возможно ли помышлять об образе вне церкви, вне церковного вос-приятия Божества... вне Христа, чрез Которого только и открывает, преподаёт нашему познанию - Себя Отец Небесный.... Вне Духа, которым лишь и возможно познание Господа, которым – познаём, со-образуя себя, при-страивая свой чахлый ум на умную структуру Небесной Иерархии, осеняющей нас... образ – обрамляющий... образ – окружающий... образ, вмещающий нас в пред-стоянии пред Богом. Повторимся же вновь: не всегда, отнюдь не всегда даже ставится нами и в нас - задача к тому, чтобы мы увидели какие-либо множественные нюансы этого образа, познавали их, - существенные ли, - внешние проявления: надписания, иконографические особенности, композиционные своеобразия пошиба, цвета... и тем - ограничили себя перед образом. Образ – куда крупнее и глубже всяческих внешних нюансов, способных описывать его не раскрывая нам. Образ – над нюансами – царствует. Образ – напоминает нам о нас самих и напоминание это – жгучая боль об утрате прямого, не о-посредованного со-беседования с Творцом. Можно ли это личное со-беседование – заменить рассмотрением образных нюансов... Рассмотрением неких оттенков, может быть слишком вторичных, либо вовсе не предназначенных для нашего любопытствующего взирания на них. Будем говорить об этом подробнее, если Господь позволит – и припадем к образу, вникнем в него, про-никнем, если угодно Господу, вглубь образного устройства и пусть оно, по свойственной ему задаче – об-устроит нас, наше чувство... наше Бого-восприятие, душу нашу – пусть приготовит к пробуждению в нас со-чувствия к Перво-образу, к со-чувствию Первообразу через ощущаемый образ. Образ – научает, безусловно – научает не только чувства, научает и ум наш, проникающийся постигаемым смыслом. Научает и душу, остерегая её, от-вращая её от всяческого без-образия... научает и плоть нашу, со-образуя и повергая её ниц – перед раскрывающимся образом... воздвигает всего человека, словно бы свечу – перед собой... Так воз-действует образ... научает наш разум, при-вносит логосы звучаний своих смыслов, пробуждает отзывчивые со-звучия струн души и органов духа. Но не в том – исчерпаны задачи образа, пре-восходящие высказанные только что цели. Главная и единственная цель и назначение образа – возвращение Богообщения к человеку, возвращение человека в рай сладости... возвращение человека к вос-приятию Бога и к вос-принятости Богом. Воз-вращение человека – блудного сына от «рожец, яже ядыху свиния» к трапезе Господней, к вкушению Бога Слова, к вос-приятию Христа.

Пред – полагаем ли мы, нынешние, хоть бы какую – то полноту в этом говорении об образе, в помышлении о нём. Образ Божий в нас – как ограничение нашей свободы – возможно ли понимать его так, не отпав от Господа в противление Ему, не утратив в себе сыновства Господнего. Остережёмся же подобного помысла, устрашимся его, ведущего нас путём соблазнительным и гибельным, силою нашей Бого-данной свободы. Ничто внешнее не обуздает не сдержит дикого произволения, ничем не управляемого желания – ополчиться на Творца и Господа в падшести своей «херувимской» призванности и несказанной одарённости. Да не последуем, падшие, по пути денницы.... Не сопричтёмся к сыновьям его, к сынам врага Божьего и врага рода человеческого... Удержим себя и благотворный образ в себе, и не отринем, не оскверним, а пав – возмолимся о воз-вращении естественного свойства к уподоблению в нас образа своему Перво-образию. Таков образ – внутри нас. Таковой образ – надлежит созидать нам своими руками и органами своих чувств и всею жизнью текучей.

Образ Божий – пространство нашего творческого и произвольного выбора к во-ображению нашей свободы, нашего произвола, - он – то, что не позволяет в нас самих, внутри нашего свободного действия – не позволяет нашему про-изволению излиться в противо-стояние Господу. Свобода не во-ображённая, свобода вне образа – есть свобода пленённая без-образием, свобода прельстительная и пленяющая человека, свобода извращающая его – мой - путь и обращающая человека против своего Творца, обращающая человека – оборотня - на путь вражий, на путь противо-стояния, противо-борства с Богом... на путь Каинов.

Не сумрачный лес на склоне пути... но – образ живой -
Водительный дух, посредник миров, - пре-верный Вергилий
Чувствилищ моей промозглой души, - объёмлешь не ты ли
Среди толчеи осмысленных дней пчелы трудовой...
Вникаю в Тебя, Икона икон. Я – ведомый Твой –
Вос-создан зачем, вос-ставлен, как столп с податливой выей.
Познаю ль себя... - исчах керубим в затейливой пыли
Печальных страниц... но небо вокруг – что нимб над головой.

Проникну ли вглубь голодным умом в алчбе ненасытной.
Негоднейший раб: Чей образ несущу... Чей чествую лик! -
К Нему припаду, в Него – устремлюсь чрез во-ображение...
И в спину – шипит стозубая пасть... се – червь неусыпный –
Глощает меня, как землю сосёт... Без-силен язык.
Но сердце – одно – вопит о Любви, зовёт Воскресенье.